Прошли дни. Это было забавно, находить места, где ты пересекался с кем-то.

На рассвете нырнуть на кухню за закуской и столкнуться с угрюмым Римлянином, который прикладывает слишком много усилий к тесту для хлеба, которое он месит, к ужасу рабыни, пытавшейся его научить. По дороге во двор заглянуть в открытую спальню и увидеть, как он с педантичной аккуратностью натягивает простыню на перину. Нанести визит самым младшим из посвящённых в часы их досуга и застать их радостно играющими в одну из его легионнерных игр в кости.

И вот он снова посещает гимнасий Розовой Зари, пока мистики разных возрастов тренируют свои тела и умы под бдительным оком гимнасиарха. Сол, со своей стороны, смотрел вперёд невидящим взглядом. На одну его руку были накинуты тканевые полотенца, а в другой – кувшин с оливковым маслом.

Когда я приблизился, его отвращение к ситуации стало очевидным.

— Считай это честью, Сол, — сказал я ему, снимая тунику и перебрасывая её ему через плечо. Его верхняя губа дёрнулась. — Не каждый день варвар видит нашу божественную культивацию в действии.

— Где она? — безжизненным голосом спросил он. — Всё, что я вижу, это голые задницы.

— Похоть – это грех, — упрекнул я его. Он насмешливо усмехнулся. — Обрати свой взор на палестру и постарайтесь контролировать свои побуждения, возможно, ты чему-то научишься. Ах, но сначала. — Я широко раскинул руки, кивая на кувшин.

Он даже не колебался: «Никогда».

— Молодой аристократ требует этого.

— Позвольте этому слуге помочь Молодому Аристократу! — вмешался мужчина в рабской одежде. Сол щёлкнул зубами, хотя я догадывался, какие слова почти слетели с его губ. Неистовые движения старшего раба и его жёстко контролируемый ужас, когда он натирал меня оливковым маслом, говорили о многом. Он тоже это знал.

— В следующий раз, — сказал я весело и оставил его заниматься своей работой.

Чтобы добраться до палестры, мраморного октагона, где практиковался и совершенствовался панкратион, нужно было сначала пройти через центральную площадь, где молодые люди собирались для общения и обмена мнениями. Мистики радостно позвали меня, когда я проходил мимо, некоторые пытались уговорить меня вступить в разговор или поучаствовать в какой-нибудь гимнастике, которой они занимались. Хотя большинство знало лучше, чем пытаться. Я принимал дружеские похлопывания по плечу и обменивался приветствиями с посвящёнными проходя мимо, но моя цель была неизменна.

Я ступил на приподнятый октагон и размял плечи, наблюдая за текущим матчем.

Нет, это ни на что не годится.

— Прекратить! — двое посвящённых замерли. Каждый из них был моложе меня, но ненамного. Когда я говорил, они были заперты в захвате на земле, более крупный из двоих изо всех сил пытался победить своего противника, обвивая ногой его шею и прижимая руку к боку.

— Старый Пердикс находит время, чтобы посмотреть, как вы вдвоём кувыркаетесь, и вот что вы даёте ему в ответ? — я махнул рукой, и они поспешно отцепились друг от друга, встав передо мной на колено. Каждый из них тяжело дышал, пот смешивался с маслом на их телах в ожидании суда. Полагаю, я не могу винить их усилия. Но их форма? Ужас.

Старый Пердикс с удовольствием наблюдал за происходящим снаружи октагона. Он был одним из старейших философов культа, уважаемым культиватором высокого ранга, а также гимнасиархом культа. Ежедневная физическая и умственная подготовка юношей культа была его обязанностью, и в стенах гимнасия его слово было вторым после слова моего отца. Я подождал, пока он склонит голову, а затем принялся за работу над посвящёнными.

— Актис и Синон, верно? — двое молча кивнули. — Палестра предназначена для панкратиона. Если вы пришли сюда, чтобы тереться друг о друга, как озабоченные шлюхи, баня там. — Я указал большим пальцем на указанные бани на противоположной стороне площади, где дюжина мистиков в настоящее время играла в мяч.

— Мы здесь, чтобы сражаться! — младший из двоих настаивал. Его партнёр решительно кивнул.

— И так ты говоришь. Но скажите, вы здесь, чтобы учиться?

Их глаза загорелись.

Культивация.

Говорят, что существует столько же путей взращивания добродетели, сколько способов подняться на Олимп Монс. Каждый путь, пройдённый с ясным умом и добродетельным сердцем, ведёт к одному и тому же месту – вершине божественной горы, где люди становятся богами и Судьбы ткут свои нити. Это простая прогрессия. Конечно, восхождение редко бывает простым.

Есть четыре кардинальных царства, каждое из которых стоит на плечах предыдущего.

В самом основании горы Олимп находится Гражданское Царство, где живёт подавляющее большинство граждан Средиземноморья. В то время как вознесение в Гражданское Царство является требованием для получения гражданства в каждом городе-государстве, это не особенно сложная планка для преодоления – при условии, что вы свободный человек, а не раб. Однако подняться выше этого – совсем другая история.

Это не редкость, чтобы от рождения и до самой смерти гражданин Алого Города никогда не поднялся выше третьего ранга первого царства. Не зря его называют Царством Граждан. Обуздать силу собственной пневмы, её бодрящего дыхания и заставить её приумножаться – это целенаправленная работа всей жизни.

Культивация – это гонка на небеса. Это совершенствование трёхсторонней души, вечно шаткое балансирование между тремя элементами себя – холодным разумом, обжигающими эмоциями и ненасытным голодом. Это готовность провести жизнь в искушение небес и ожидание их гнева.

Неудивительно, что большинство предпочитает вместо этого ухаживать за фермами или продавать товары.

Для тех, кто решает искушать Судьбы и достаточно талантлив, чтобы достичь этого, существует второе царство над первым. Софическое Царство, где трудятся софисты. Общепризнано, что именно здесь начинается настоящее восхождение, и именно здесь подавляющее большинство культиваторов томится до самой смерти. Царство Философов – это место, где готовят и отбирают правительственных чиновников и военных.

В Культе Розовой Зари каждый старейшина является философом высокого ранга. Есть даже несколько гениев, слишком юных, чтобы быть истинными старцами, но софисты в душе, которые вознеслись в заветное второе царство.

Третье царство – это то, чего обычный культиватор никогда не достигнет. В этом состоянии душа становится самостоятельной сущностью, невосприимчивой к разрушительному действию времени и ослепляющей своим великолепием. Только люди высочайшей добродетели и самой вопиющей дерзости когда-либо ступали в это священное царство. Генералы, революционеры и охотники на монстров.

Это Царство Героев, и его члены являются героями эпосов.

Выше третьего царства, где небеса затмевают взгляды смертных грозовыми тучами и гневом, находится четвёртое. Ведь генерал всё ещё солдат, выполняющий приказы. Революционеров часто подавляют. Монстры иногда побеждают.

Царство Тиранов – вершина просвещённого культивирования. Здесь обитают правители людей. Это то место, где когда-нибудь буду и я.

Но культивация – это работа не одного дня или одного действия. Это тысяча добродетельных шагов, и каждый из них – совершенствование тела и ума. Невозможно иметь одно без другого. Учёный образован. Спортсмен крепок.

Культиватор и то, и другое. И поскольку эта мудрость была передана ему, то и его долг – передать её дальше.

Синон застонала в агонии, когда я перекинул его через плечо и швырнул на камень. Он пытался сразиться со мной стоя, но его форма удара была такой же жалкой, как и его умения в захвате, и я легко схватил его. К тому времени, как я повернулся, Актис уже начал бежать для тарана, но этот дурак опустил голову, чтобы избежать моих кулаков. Я ударил его коленом по носу и отправил обратно через октагон. Отвратительный хруст хряща отозвался эхом, когда он быстро вернул его на место, его глаза слезились.

Они оба были на пятом ранге Гражданского Царства. Разница между нами была уже абсурдной, не считая их полного отсутствия техники. Первое я могу простить, так как было вполне естественно, что моё культивирование превзойдёт их. Но последнее?

— Одной поддержки недостаточно, — поучал я. Они использовали свою пневму, как доспехи, и всё равно дрожали за ней. — Мы не солдаты! Мы культивируем добродетель, а добродетель – это совершенство исполнения!

Синон вскочил на ноги и бросился на меня, зная, что лучше не прекращать борьбу только потому, что я говорю. Я отклонился от прямого кросса и презрительно отбил правый хук в сторону, злобно ударив его головой. Он упал на задницу, ошеломлённый.

Я направился к Актису. Он сделал ложный выпад, а затем ударил другим локтем по моему виску. Я поймал его одной рукой и отбросил её так, что бы он потерял равновесие. Я один раз ткнул его в почку и выбил его ноги из-под него. Он лежал на спине и хрипел.

— Сейчас я использую не больше пневмы, чем вы двое, и всё же посмотрите на разницу между нами. — Я даже не начал потеть. — Что вы делали здесь со своим временем?

— Возможно, они сосредоточились на более актуальных формах боя.

Кто посмел?

Я повернулся и увидел приближающегося к октагону посвящённого, обнажённого, если не считать пояса с привязанным к нему мечом. Он был высок, почти такого же роста как и я, с длинными вьющимися светлыми волосами и резко очерченными чертами лица. На его лице была нетерпеливая ухмылка.

Его пневма поднялась. Гражданское Царство, восьмой ранг.

Кастор. Я знал его слишком хорошо.

— Ты, должно быть, заблудился, младший брат, — беспечно сказал я. — Здесь посвящённые практикуют настоящий бой. Кольцо для борьбы на мечах находится в юго-западном углу.

— Старшего брата никогда там нет, — ответил Кастор, отстёгивая свой меч и вращая его в руке. Это был обоюдоострый меч средней длины. Клинок дуэлянта. — Прошли недели с момента нашего последнего боя. Можешь ли ты винить меня за то, что я ищу твоего руководства?

— Тогда пойдём, — пригласил я его. Я даже отошёл в сторону, чтобы он мог беспрепятственно взобраться верх. — Брось свой меч и шагни в октагон.

Он не сделал ни движения, чтобы сделать, что-либо из этого: «Ах, но панкратион – не мой путь. Это было ясно в прошлый раз, я уверен, старший может согласиться. Этот скромный софист ищет руководства в своих формах меча».

— У меня нет меча, — заметил я. Однако вместо того, чтобы достать ещё один, как я ожидал, он только ярко улыбнулся.

— Это удачно. Я надеялся потренироваться против безоружного противника.

Актис и Синон ошеломлённо уставились на него, и они были не одни. Палестра естественным образом привлекала зрителей в гимнасии, особенно когда я был в октагоне. Десятки посвящённых уже наблюдали за моей импровизированной инструкцией моих младших. Теперь они махали руками другим на площади, торопливо распространяя слухи.

— Прошу прощения? — тихо сказал я.

— Общеизвестно, что Молодой Аристократ безраздельно властвует в октагоне, — почтительно сказал Кастор. — И по твоим словам, панкратион – это вершина боевого единоборства. Разве не

так?

— Так.

— Тогда для тебя не должно быть опасности потакать этому младшему посвящённому в его попытках расширить своё понимание меча. Разве не так? — Кастор посмотрел на гимнасиарха, который до этого момента демонстративно не сказал ни слова. Старый философ прислонился к краю мраморного октагона, на мгновение рассматривая нас обоих.

— Если Молодой Аристократ соблаговолит согласиться, я буду модератором, — сказал он в конце концов.

А, теперь я понял. Меня подставили.

Я ненавижу политику.

Сквозь напор растущей толпы зрителей я заметил мелькнувшую белую ткань. Одетая фигура в море обнажённых тел. Сол остался на том же месте, где я нашёл его при входе, но он уже не смотрел тупо на дальние колонны спортивного зала. Он повернул голову, смотря на толпу.

Смотря на меня.

— Тогда пойдём, — сказал я. Актис и Синон выскочили из октагона, а Кастор поднялся с нетерпеливой улыбкой на лице.

— Благодарю тебя, старший брат.

Я усмехнулся: «Делай заметки».

Пневма Кастора взревела как пламя, и через мгновение он оказался рядом со мной. Его меч тянется к моему горлу.

Я размял плечи, отмахиваясь от возгласов и поздравлений, пока я пересекал площадь и схватил полотенце. Было дурным тоном заходить в баню, окровавленным.

— Ты захочешь отправиться туда, как только толпа рассосётся, — сообщил я рабу. — Я устроил беспорядок.

Сол задумчиво хмыкнул: «Он был не очень хорош».

— Немногие действительно хороши, — согласился я, оттирая масло и пот с волос.

— Я бы избил его в цепях.

Смех сорвался с моих губ против моей воли. Я поднял руки к небу, потягиваясь и наслаждаясь своей победой, и только сильнее рассмеялся, когда увидел, что Кастор, шатаясь, выходит из гимнасия с помощью двух других мистиков.

— Ах, это было хорошо, — сказал я, чувствуя лёгкость от веселья. — Я готов принять ванну. Не хочешь присоединиться ко мне?

— Нет.

Жалко тогда, что он стоял там где стоял.

Я пинком отправил его в бассейн и нырнул следом.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3082712